

ΠΑΙΔΕΙΑ

Две рецензии

СЕРГЕЙ СОБОЛЕВСКИЙ

О. Петрученко. Латинско-русскій словарь. Москва 1892. (IV+990 стр. 8^о).

Si quem dira manet sententia iudicis olim
Damnatum aerumnis suppliciisque caput:
Hunc neque fabrili lassent ergastula massa
Nec rigidas vexent fossa metalla manus;
Lexica contexit: nam cetera quid moror? omnes
Poenarum facies hic labor unus habet.

Въ справедливости этихъ словъ Скалигера можетъ убѣдиться не только всякій составитель лексикона, но даже и тотъ, кто пишетъ рецензію на него. Въ самомъ дѣлѣ, дать справедливый отзывъ о словарѣ — дѣло далеко не легкое. Не только невозможно провѣрить, всѣ ли вошли въ лексиконъ нужные слова, и прослѣдить, вездѣ ли пригоденъ данный въ лексиконѣ переводъ всѣхъ словъ и выраженій, но даже и просто прочитать весь лексиконъ отъ доски до доски едва ли кто будетъ въ состояніи. Такимъ образомъ рецензія всякаго словаря по необходимости имѣетъ болѣе или менѣе случайный характеръ, смотря по количеству матеріала, просмотрѣннаго ея авторомъ. Все это я говорю къ тому, чтобы оправдаться предъ читателями въ случаѣ, если предлагаемый мною здѣсь разборъ словаря г. Петру-

ченко покажется кому-либо недостаточнымъ или вообще въ какомъ бы то ни было отношеніи неудовлетворительнымъ.

Словарь г. Петрученко представляетъ переводъ очень распространеннаго въ Германіи латинско-нѣмецкаго школьнаго словаря К. Е. Георгеса (*Lateinisch-deutsches Schulwörterbuch zu Terentius, Cicero, Caesar, Sallustius, Corn. Nepos, Livius, Velleius, Tacitus, Curtius, Iustinus, Eutropius, Quintiliani lib. X, Vergilius, Horatius, Ovidius, Phaedrus*). Эта книга, по словамъ самого Георгеса, есть не простое извлеченіе изъ другихъ его словарей болѣе пространныхъ (*Ausführliches* и *Kleines l.-d. Handwörterbuch*), но трудъ, во многихъ частяхъ переработанный совершенно вновь или по крайней мѣрѣ дополненный. Особенное вниманіе было обращено авторомъ на указаніе конструкцій глаголовъ, существительныхъ и прилагательныхъ, такъ что въ этомъ отношеніи школьный словарь Георгеса не только не уступаетъ самымъ большимъ лексиконамъ, но даже превосходить ихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даются такія значенія, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ подробномъ словарѣ. Притомъ, по отношенію къ числу словъ этотъ лексиконъ полнѣе всѣхъ другихъ, составленныхъ для того же круга писателей.

Таковы достоинства нѣмецкаго подлинника. Г. Петрученко однако не ограничился ролью простого переводчика: помимо нѣкоторыхъ, незначительныхъ впрочемъ, уклоненій отъ классификаціи Георгеса, онъ внесъ въ словарь больше цитатъ и далъ больше переводовъ фразъ, чѣмъ это сдѣлано въ оригиналѣ, и даже включилъ въ свой лексиконъ восемь словъ, пропущенныхъ, повидимому, по недосмотру Георгесомъ. „Накоонецъ“, говоритъ онъ, „всѣ цитаты изъ авторовъ, читаемыхъ въ гимназіяхъ, свѣрены съ оригиналомъ и переведены мною прямо съ латинскаго“. Последнее, конечно, было необходимо, потому что иначе точнаго и правильнаго перевода получиться не могло; однако меня беретъ сомнѣніе, какимъ образомъ г. Петрученко могъ это сдѣлать во всѣхъ цитатахъ, приводимыхъ у Георгеса всегда безъ обозначенія мѣста: въ такихъ писателяхъ, какъ Горацій, Вергилій, Цезарь и другіе, къ которымъ имѣются хорошіе спеціальные словари, найти цитату не трудно; но какъ найти ее у Цицерона или Ливія или даже какъ узнать иногда, у кого она встрѣчается — у Ливія ли, напр., или Юстина, Веллея, Курція? вѣдь относительно этого во многихъ случаяхъ не можетъ помочь ни Фрейндъ, ни Клоцъ, ни Форчеллини.

Но если г. Петрученко дѣйствительно разыскивалъ, откуда заимствована каждая цитата, тогда нельзя не пожалѣть о томъ, что онъ оставилъ въ своемъ лексиконѣ слова и цитаты, заимствованныя изъ Веллея, Курція, Юстина, Евтропія и даже, пожалуй, изъ Теренція и десятой книги Квинтилиана, а также изъ нѣкоторыхъ сочиненій Цицерона, Цезаря и др. (въ родъ напр. слова *feneus*, встрѣчающагося только въ отрывкѣ Цицероновой рѣчи *pro Cornelio*), вообще изъ тѣхъ авторовъ или частей ихъ, которые въ гимназіяхъ нашихъ не читаются и цитаты изъ которыхъ являются поэтому совершенно ненужнымъ, но тяжелымъ балластомъ.

Однако обратимся къ разсмотрѣнію того, что даетъ намъ словарь г. Петрученко. Говорить о достоинствахъ подлинника излишне; что же касается русской обработки его, то г. Петрученко, дѣйствительно, (употребляю его собственное выраженіе) „всѣми силами старался дать русскимъ классикамъ русскаго Георгеса“ и въ значительной степени достигъ этого: прекрасная классификація значеній, ихъ точность, довольно большое количество цитатъ часто съ переводомъ ихъ, наконецъ удобство обозрѣнія приводимаго матеріала благодаря тому, что предъ каждымъ дѣленіемъ поставлена цифра или буква (I, 1, а, α и т. д.) и что каждое русское значеніе, начинающее рубрику, выдѣляется среди слѣдующихъ за нимъ цитатъ особымъ шрифтомъ. Кромѣ того, слова, только разъ встрѣчающіяся у одного изъ писателей, по которымъ составленъ лексиконъ, и слова и выраженія, взятые изъ поэтовъ, отмѣчаются извѣстными знаками.

Но при всѣхъ этихъ достоинствахъ въ словарѣ есть и кое-какіе недостатки — мелкіе, правда, отчасти встрѣчающіеся только въ русской обработкѣ его, отчасти же общіе у ней съ подлинникомъ.

Такъ, прежде всего бросается въ глаза нѣкоторое пристрастіе переводчика къ накопленію русскихъ синонимовъ для передачи латинскаго слова, иногда вовсе ненужныхъ, напр. слово *adiutor* переводится пятью словами: „помощникъ, вспомогатель, соспѣшествователь, способствователь, въ дурномъ смыслѣ пособникъ“, тогда какъ вполне было бы достаточно двухъ — перваго и послѣдняго (у Георгеса три: *Gehülfe*, *Beistand*, *Helfershelfer*); для *adhinnio* дано два слова, изъ которыхъ второе совершенно излишне: „ржать, заржать на кого“ и т. п.

Непріятно поражають читателя также попадающіяся иногда русскія слова или очень мало употребительныя, или даже, можетъ быть, придуманныя самимъ переводчикомъ: таковы сей-часъ приведенныя нами слова „вспомогатель, споспѣшествова-тель, способствователь“; можно указать еще слѣд.: *caesius* „сѣро-голубоокій“, *impleo* „обеременять“ (не сразу догадаешься, что значить!), *indolentia* „безболіе“; русскія слова „драница, гонтъ“ для многихъ учениковъ едва ли понятнѣе, чѣмъ лат. *scandula*, которое ими передается.

Нѣкоторыя латинскія слова и выраженія, по моему мнѣнію, излишни, напр. слова *feniculum*, *glis*, *resenter*, не встрѣчающіяся, кажется, ни у одного изъ писателей, по которымъ составленъ лексиконъ. Фразу *aut bibat aut abeat* „или пей, или убирайся вонъ“ г. Петрученко напрасно, слѣдуя Георгесу, принялъ въ словарь: Георгесъ имѣлъ основаніе помѣстить ее, такъ какъ для нея онъ подыскалъ нѣмецкую поговорку „*sauf' oder lauf'*“; а въ русскомъ языкѣ г. Петрученко не нашелъ ничего подобнаго, бук-вально же перевести ее всякій ученикъ сумѣетъ.

Напротивъ, нѣкоторыя выраженія, трудныя для учениковъ, не попали въ словарь, напр. *generibus illustratus* (Cic. *de Or.* 1, 23, 109), *non cuivis homini contingit adire Corinthum* (Hor. *Epist.* 1, 17, 36); для слова *fabulosus* дано между прочимъ значеніе „склонный къ сказаніямъ (миѳу), любящій сказанія (миѳъ)“, съ цитатой *f. antiquitas* изъ *Iustin.* 2, 6, 7, но не указано, что въ этомъ же соединеніи у *Iustin.* 4, 1, 8 *nes mirum si fabulosa est loci huius antiquitas* слово *fabulosus* имѣетъ значеніе „изобилующій миѳами“, приведенное также въ словарь, но безъ указанія на это выраженіе.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ приведенныя въ словарь значенія не совсѣмъ удачны и могли бы быть замѣнены другими, луч-шимъ. Такъ, слово *actio*, употребленное объ актерѣ, лучше бы было перевести словомъ „игра“, чѣмъ „мимика“ (подобно тому, какъ *agere* въ этомъ смыслѣ значить „играть“). Для *flavesco* указано описательное значеніе „дѣлаться золотистымъ, желто-ватымъ (блѣдно-желтымъ)“, но не указано самаго простого „желтѣть“, которое вполне для него годится (напр. *folium fagi celerrime fl.* „листь желтѣетъ“). Выраженіе *dicam impingere* (у Ter. *Phorm.* 439 *si tu illam attigeris secus quam dignumst liberam, dicam tibi impingam grandem*) переводить чрезъ „на-вяжу тяжбу“ неудобно: „навязать тяжбу“ скорѣе можетъ кліентъ

адвокату, не желающему брать на себя ведение его дѣла. Орасо „затѣнять, осѣнять“: у Cic. *de Or.* 1, 7, 28 ad *orasandum hunc locum* лучше передать чрезъ „давать тѣнь“. *Reduncus* „закорюченный, согнутый“: почему не „кривой“ (объ орлиномъ клювѣ у Ov. *Met.* 12, 562)? Фразу *scalmum nullum videt* (Cic. *de Off.* 3, 14, 59) г. Петрученко переводитъ „не видитъ ни одной лодки“; у Георгеса точнѣе „auch nicht ein Ruderholz, keine Spur von Kähnen“. Для *spatium* дается значеніе „прогулка“, мало подходящее для приводимой цитаты *duobus tribusve spatiis factis* (Cic. *de Or.* 1, 7, 28), что лучше перевести „пройдясь раза два или три“.

Кромѣ этихъ мелкихъ неточностей есть и болѣе крупныя недосмотры, даже прямо ошибки.

Подъ *amplector*, напр., (рубрика 2) сказано: „съ любовью держаться чего, т.-е.: α) высоко цѣнить, *virtutem* (мужество). — β) дорожить чѣмъ, принимать близко къ сердцу, привязываться къ чему, *artem*“. Но въ соединеніи *a. artem*, взятомъ изъ Cic. *de Or.* 1, 24, 110, глаголъ имѣетъ первое изъ приведенныхъ г. Петрученко значеній „высоко цѣнить“. Ошибка произошла, повидимому, оттого, что у Георгеса оба эти значенія стоятъ подъ одной рубрикой, а г. Петрученко, раздѣливъ ее на двѣ части, неправильно отнесъ указанную цитату ко второй части.

Слово *bibliotheca* переведено: „библіотека = книгохранилище, помѣщеніе для библіотеки, книжный шкафъ“: какъ же перевести тогда такую фразу, какъ *bibliothecam suam Graecam supplere* (Cic.)? г. Петрученко пропустилъ значеніе „*Büchersammlung*“, данное у Георгеса.

Для слова *caesius* г. Петрученко даетъ между прочимъ значеніе „съ кошачьими глазами“ (такъ же и у Георгеса—*katzenäugig*): странный переводъ! не говоря уже о томъ, что у кошекъ глаза бываютъ разнаго цвѣта, но неужели кто-нибудь рѣшится подумать, что у прекрасной Минервы были кошачьи глаза (ср. Cic. *de N. D.* 1 30, 83, *caesios oculos Minervae*)? О. Weise въ своей статьѣ *Die Farbenbezeichnungen bei den Griechen und Römern* (*Philologus*, v. 46, p. 593 sq.), опредѣляя разницу между *caesius* и *caeruleus*, говоритъ такъ: „*caesius* setzte sich für einen helleren, *caeruleus* für einen dunkleren ton der blauen farbe fest, weshalb ersteres namentlich die farbe der augen, letzteres die des meeres und des himmels zum ausdruck bringt“. Судя по этому, *caesius* соотвѣтствуетъ нашему „голубой (голубоглазый)“.

Cretio обозначает не только „формальное вступление во владѣніе наслѣдствомъ“ или „опредѣленный срокъ на размышленіе относительно вступленія во владѣніе“, какъ говоритъ г. Петрученко, слѣдуя Георгесу, но также и „формальное заявленіе наслѣдника, желаетъ ли онъ вступить во владѣніе наслѣдствомъ“: *Cic. de Or.* 1, 22, 101: *ut in cretionibus scribi solet.*

Для слова *elegantia* въ соединеніи *el. doctrinae* дается значеніе „тонкость, основательность“, букввальное, но мало подходящее для перевода *Cic. de Or.* 1, 2, 5 *tu autem illam (= eloquentiam) ab elegantia doctrinae segregandam putes et in quodam ingenii atque exercitationis genere ponendam*; такъ же и Георгесъ: „die Feinheit, Gründlichkeit“; лучше переводить это выраженіе Сорф въ примѣчаніи къ этому мѣсту: „höhere wissenschaftliche Bildung“ — толкованіе, принятое и самимъ Георгесомъ въ двухъ его болѣе подробныхъ словаряхъ.

Слово *glis*, если вѣрить г. Петрученко, означаетъ „крыса“. Что переводъ этотъ неправиленъ, видно уже изъ того, что крыса не была извѣстна древнимъ: т. наз. крыса домашняя (*mus rattus*) перешла изъ Азіи въ Европу лишь въ эпоху великаго переселенія народовъ, а пасюкъ (*mus decumanus*) еще позднѣе — въ первой трети XV вѣка (см. Генъ, Культурныя растенія и животныя, стр. 277—8). Да и есть ли хоть что-нибудь подходящее къ крысѣ въ описаніи этого животнаго, сдѣланномъ у Форчеллини: „*glis proprie est animal muri simile, maius tamen, Italice ghiro, in arboribus degens et totam fere hiemem aut dormiens, aut certe quiete fruens somno simili: quo tempore cum aut nullo, aut exiguo certe cibo utatur, pinguescit tamen ut cum maxime. — Recentioribus est Sciurus glis, Linn.*“ Нѣмецкіе лексикографы переводятъ это слово черезъ *Haselmaus*. Не будучи зоологомъ, не могу въ точности сказать, какъ этотъ звѣрокъ называется по-русски; но во всякомъ случаѣ онъ принадлежитъ къ порядку грызуновъ, къ семейству бѣличьихъ: можетъ быть, это соня.

Совершенно невѣрно переводитъ г. Петрученко выраженіе *gregaria militia* — „строгое исполненіе формальностей“. Выраженіе это взято изъ *Iustin.* 22, 1, 8 (*Agathocles*) *gregariam militiam sortitus* и, очевидно, означаетъ „служба рядового солдата“ (ср. *miles gregarius*). У Георгеса оно вѣрно передано чрезъ „*Gama-schendienst*“ (= *Dienst eines gemeinen Soldaten*).

Переводя выраженіе *impingere clitellas* чрезъ „доставить вѣчки“, г. Петрученко совсѣмъ не передаетъ того оттѣнка, который заключается въ немъ. Слова эти находятся у *Hor. Epist.* 1,

13, & si te forte meae gravis uret sarcina chartae, abicito potius, quam, quo perferre iuberis, clitellas ferus impingas: въ нихъ заключается сравненіе съ осломъ, который, наскучивши своимъ вьюкомъ, ударяетъ имъ о какой-нибудь твердый предметъ, чтобъ освободиться отъ своей ноши (см. прим. Крюгера). Можно перевести (хотя тоже не совсѣмъ точно) „сбросить вьюкъ“.

Равнымъ образомъ не передается оттѣнокъ понятія incestus при переводѣ его словомъ „прелюбодѣяніе“: incestus, повидимому, есть не простое adulterium, но въ немъ содержится понятіе объ оскверненіи религіи; такъ, извѣстный Клодій былъ обвиненъ de incestu. Ср. примѣчаніе Фелькеля къ Cic. *pro Mil.* 5, 13.

Напрасно г. Петрученко переводитъ слово mustela между прочимъ чрезъ „горностай“: этимъ именемъ римляне обозначали, повидимому, ластку (см. Генъ, стр. 275).

Трабеа опредѣляется какъ „роскошная одежда государственныхъ мужей (царей, авгуровъ)“; но она была также, какъ извѣстно, и одеждой боговъ (см. Rich s. v.)

Наконецъ, укажемъ еще на одну мелочь: мы замѣтили въ нѣсколькихъ мѣстахъ пропускъ значковъ, которые г. Петрученко, согласно съ Георгесомъ, какъ выше сказано, ставитъ при словахъ, разъ встрѣчающихся у писателей, по которымъ составленъ лексиконъ, и при словахъ и выраженіяхъ, заимствованныхъ изъ поэтовъ. Таковы, напр., слова перваго рода: feneus, fenicularius, fretensis, flасseo, scandula, stercoro; второго: ferox Cereris, regni scamna, trapeum, veru.

Этимъ я заканчиваю свои замѣчанія о словарѣ г. Петрученко, появленіе котораго, какъ онъ справедливо надѣется, составляетъ въ нашей учебной литературѣ шагъ впередъ по сравненію съ школьными словарями Ананьева и Шульца.

В. Мусселиусъ. Русско-латинскій словарь. С.-Петербургъ 1891. (VI+424).

Для того, чтобы судить о достоинствахъ какого-либо научнаго сочиненія, надо прежде всего уяснить себѣ, какую цѣль оно преслѣдуетъ и какой кругъ читателей имѣетъ въ виду. Относительно этого авторъ разбираемаго нами словаря говорить въ предисловіи, что сперва онъ предполагалъ своимъ сло-

варемъ доставить краткое пособіе ученикамъ старшихъ классовъ гимназій и ограничиться самымъ необходимымъ матеріаломъ, но впоследствии рѣшился расширить свою программу, надѣясь, что въ такомъ расширенномъ видѣ словарь можетъ служить пособіемъ не для однихъ учениковъ гимназій. Итакъ для кого же предназначается этотъ словарь? Вопросъ этотъ далеко не праздный, и мы особенно настаиваемъ на немъ потому, что отъ того или другого рѣшенія его, какъ увидимъ ниже, зависитъ объемъ и содержаніе словаря.

Всѣ лица, имѣющія надобность въ русско-латинскомъ словарѣ, могутъ быть раздѣлены на три или, вѣрнѣе сказать, на двѣ группы: къ первой относятся тѣ, которые переводятъ съ русскаго на латинскій языкъ текстъ, приспособленный для такого перевода, — это преимущественно ученики гимназій; вторую группу составляютъ тѣ, которые переводятъ на латинскій языкъ русскій текстъ, не приспособленный для такого перевода, или же излагаютъ собственные мысли по-латыни: сюда принадлежатъ главнымъ образомъ студенты, магистранты и докторанты. Что г. Мусселиусъ предназначалъ свой трудъ не для однихъ только лицъ первой категоріи, видно какъ изъ его собственныхъ словъ, приведенныхъ нами выше, такъ и изъ содержанія его лексикона: тутъ помѣщено много вокабулъ такихъ, которыя врядъ ли встрѣтятся ученику въ какой либо книгѣ упражненій, а если и встрѣтятся, то навѣрно будутъ объяснены въ примѣчаніи, какъ напр. *автодидактъ*, *акула*, *гагара*, *газета*, *гардина* и пр. Намъ остается, слѣдовательно, предположить, что г. М. при составленіи своего труда имѣлъ въ виду также и лицъ второй группы. Въ такомъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго автора, который нашелъ возможнымъ выпустить „слова рѣдко встрѣчающіяся, большинство словъ, обозначающихъ предметы и явленія, которыя не были извѣстны древнимъ, и собственные имена“ (за исключеніемъ небольшого количества географическихъ названій). На основаніи этого принципа г. М. пропускаетъ напр. слѣдующія слова: *автоматъ*, *абрикось*, *багажъ*, *бюджетъ*, *глаголъ*, *надежъ* (и другіе грамматическіе термины), *картавый*, *кошунство*, *деверъ*, *шуринъ*, *соболь*, *правительство*, *олавленіе*, *подвалъ*, *явленіе* (въ драмѣ) и пр. Гдѣ же искать эти слова пишущему по-латыни, если они ему понадобятся? А они очень легко могутъ понадобиться: мы по собственному опыту знаемъ, какъ трудно бываетъ начинающему филологу справляться даже съ

такими простыми выраженіями, какъ напр. „глаголь *gegere* сочиняется съ вин. пад.“

Кромѣ того, чѣмъ руководился составитель при выборѣ между словами, часто встрѣчающимися и рѣдко встрѣчающимися? Почему напр. слово *автодидактъ* попало въ лексиконъ, а *автоматъ* нѣтъ? Почему *персикъ* помѣщенъ, а *абрикосъ* не удостоенъ этой чести? *акула*, *академія*, *горностай*, *золотка*, *амецъ* есть, а *осетръ*, *ареопаль*, *соболь*, *деверь*, *телецъ* нѣтъ? Въ такихъ пропускахъ и непослѣдовательности заключается, по нашему мнѣнію, главный недостатокъ труда г. Мусселиуса.

Но не будемъ слишкомъ строги къ автору: „на нѣтъ“, говорить пословица, „и суда нѣтъ“; посмотримъ лучше, каковъ тотъ матеріалъ, который онъ намъ даетъ. Въ этомъ отношеніи словарь, безспорно, заслуживаетъ полнаго одобренія. Г. М. обратилъ большое вниманіе на два пункта: на фразеологию, которой его словарь богаче, чѣмъ всѣ его предшественники (жаль только, что онъ еще не приводитъ русскихъ пословицъ и поговорокъ съ указаніемъ соответствующихъ латинскихъ), и на то, чтобъ латинскія слова и выраженія, помѣщенные въ его лексиконъ, были классическими, съ крайней неохотой давая тамъ, гдѣ нельзя было обойтись, слова и выраженія, не встрѣчающіяся у образцовыхъ писателей, и отмѣчая это каждый разъ извѣстными знаками. Латинскія слова и фразы, соответствующія тѣмъ или другимъ русскимъ, приводятся, конечно, не всѣ, а лишь наиболѣе употребительныя, насколько мы могли судить по сравненію съ матеріаломъ, собраннымъ у Георгеса въ его подробномъ словарѣ; при этомъ по б. ч. указывается различіе между синонимами.

Однако, не смотря на всѣ эти достоинства, трудъ г. Мусселиуса далеко нельзя назвать безукоризненнымъ даже и въ вышеуказанномъ отношеніи. Составителю словаря необходимо быть въ совершенствѣ знакомымъ съ тѣми языками, которые входятъ въ словарь. Между тѣмъ г. М., насколько можно судить по нѣкоторымъ даннымъ¹⁾, не обладаетъ особенно тонкимъ зна-

1) Такъ, мы встрѣтили въ лексиконѣ нѣсколько словъ и оборотовъ, которыхъ никто въ литературномъ языкѣ не употребить, напр.: *амфитеатрально*, *ваяло*, *гадкость*, *кочевникъ*, *слѣпость*, *гамъ собакъ*, и т. п. Нѣкоторыя изъ нихъ приводятся, правда, въ толковомъ словарѣ Даля, но, по всей вѣроятности, изъ какихъ-нибудь областныхъ говоровъ. Неизвѣстно также, почему г. М. полагаетъ, что слова *затѣя* и *матеріалъ* обыкновенно употребляются во множественномъ числѣ.

ніемъ русскаго языка, и это отразилось до извѣстной степени на его работѣ.

Такъ, слово *lana* онъ передаетъ черезъ *ungula*, что, какъ извѣстно, означаетъ „копыто“ (можетъ быть г. М. думаетъ, что у лошади есть лапы?).

Подъ рубрикой *кубокъ* мы читаемъ: „кубокъ *rosulum*; бокаль *scyrhus, calix*“; мы желали бы знать, въ чемъ авторъ видитъ разницу между кубкомъ и бокаломъ и, если такая разница существуетъ, то соотвѣтствуетъ ли она различію между приведенными латинскими названіями. Намъ кажется, что такой разницы, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, нѣтъ; во всякомъ слѣчаѣ по своему виду ни *calix*, ни *scyrhus* не похожи на нашъ кубокъ или бокаль, а по своему назначенію (какъ сосуды для питья вина) и эти оба слова, и другія, напр. *cantharus, carchesium*, равно годятся и для „кубка“, и для „бокала“, и для „рюмки“. Замѣчательно, что и самъ г. М. подъ рубрикой *бокаль* переводитъ это слово чрезъ *rosulum*.

Довольно интересна также рубрика *леденистый*. Слово это г. М. передаетъ черезъ *glacie adoportus, obtectus*, понимая его, очевидно, въ смыслѣ „покрытый льдомъ“. Нѣсколько иначе, кажется, понимаетъ его Даль, толкуя его въ своемъ словарѣ такъ: „со льдомъ, полный льду, полумерзлый, леденѣлый“. Въ Академическомъ словарѣ (I изд.) этого слова вовсе не имѣется. Что касается меня лично, то я, хотя и природный русскій, но такого прилагательнаго не знаю, да и въ самомъ существованіи его, по крайней мѣрѣ въ языкѣ нашего образованнаго общества, сильно сомнѣваюсь (встрѣчается оно, правда, въ модной новѣйшей пѣсенкѣ „конфетка моя леденистая“, но въ другомъ совсѣмъ значеніи, да и здѣсь оно *πλαξ εἰρημένον*).

Немного ниже, подъ словомъ *ледовитый*, г. М. пишетъ: „л. море *mare congelatum* или *concretum glacie*; такъ назыв. л. океанъ *Oceanus glacialis*“. Какъ видно отсюда, г. М. дѣлаетъ различіе между ледовитымъ моремъ и ледовитымъ океаномъ и, если судить потому, что *mare* онъ пишетъ съ маленькой буквы, а *Oceanus* — съ большой, онъ принимаетъ „ледовитое море“ за нарицательное имя, разумѣя подъ этимъ просто „замерзшее море“. Но у насъ „Ледовитое море“ и „Л. океанъ“ означаютъ одно и то же и употребляются исключительно въ значеніи собственнаго имени. Повидимому, г. М. былъ введенъ въ ошибку Академическимъ словаремъ, гдѣ „ледовитый“ объясняется сло-

вами „покрытый льдомъ“, при чемъ приводятся тѣ оба выраженія, но безъ упоминанія, что они употребляются только какъ собственные имена. Кстати скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о выраженіяхъ *concretum glacie* и *frigore concrecere* (*леденѣть*). Г. М. приводитъ ихъ безъ всякаго значка, а между тѣмъ эти выраженія, какъ кажется, поэтическія: по крайней мѣрѣ Кисера въ своемъ французско-латинскомъ лексиконѣ (подъ словами *geler* и *glacé*) отмѣчаетъ ихъ какъ взятые изъ Овидія и Вергилія; Клоцъ также цитируетъ для перваго выраженія *Ovid. Trist. III, 12, 29; Verg. Georg. I, 236*; для втораго *Lucret. VI, 845; Verg. Aen. XII, 905; Mart. IV, 3*; поэтому Георгесъ въ нѣмецко-латинскомъ словарѣ не безъ причины, кажется, пропустилъ эти выраженія. Что же касается названія *Oceanus glacialis*, которое въ нашемъ словарѣ отмѣчено звѣздочкой въ знакъ того, что оно „не встрѣчается у древнихъ писателей“, то такое обозначеніе невѣрно, потому что выраженіе это есть у Ювенала.

Очень интересно по неопредѣленности своего значенія слово *амуніція*. Въ нашемъ лексиконѣ оно переведено посредствомъ *arma*, *armatura*, у Ивашковскаго *apparatus bellicus*, у Бѣликова *belli apparatus, militaris instructio*, у Ходобая-Виноградова *omnia quae ad bellum opus sunt*. Чтобы правильно передать этотъ терминъ по-латыни, надо прежде уяснить себѣ, что подъ нимъ разумѣется по-русски. Определенія его, приводимыя въ нашихъ толковыхъ и энциклопедическихъ словаряхъ, нѣсколько разнятся между собою. Академическій словарь даетъ такое объясненіе: „военный снарядъ или военные припасы, каковы суть солдатскіе мундиры, обувь, сумы, тесаки, ружья и проч.“ Словарь Плюшара: „подъ симъ названіемъ заключаются казенныя вещи, снаряженіе солдата составляющія, какъ-то: киверъ, каска, португезя, перевязь, патронная сума, ля-дунка, ранецъ съ ремнями, ружейный ремень и пр.“ Почти то же сказано и у Даля. У Березина говорится: „такъ называются всѣ вообще предметы, составляющіе снаряженіе солдата и коня, кромѣ вещей мундирныхъ, бѣлья и обуви“. Всѣ эти определенія, за исключеніемъ перваго, согласны въ томъ, что амуниціей называется сумма всѣхъ вещей, находящихся на солдатѣ, кромѣ его одежды; Академическій словарь включаетъ сюда и одежду. Я съ своей стороны, несмотря на авторитетъ такихъ извѣстныхъ толкователей, думаю нѣсколько иначе. Не

знаю, что разумѣется подѣ словомъ „амуніція“ на техническомъ военномъ языкѣ, но въ обыкновенномъ, разговорномъ языкѣ нашего общества этимъ словомъ отчасти обозначаются (согласно съ опредѣленіемъ Академическаго словаря) всѣ вещи, находящіяся на солдатѣ, но главнымъ образомъ, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, подѣ „амуніціей“ разумѣется одежда солдата; мало того, „амуніція“ нерѣдко употребляется теперь (правда, немного въ шутовомъ тонѣ) въ смыслѣ всякой одежды вообще, не только военной, но и гражданской. Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ нами выраженій *arma* и *armatura* какъ разъ не заключаютъ въ себѣ понятія объ одеждѣ, *apparatus bellicus (belli)* и *omnia quae ad bellum opus sunt* слишкомъ общи и болѣе указываютъ на разные военные снаряды въ родѣ машинъ; смыслъ выраженія *instructio militaris* для меня неясенъ. Я предложилъ бы для передачи слова „амуніція“ два выраженія: *ornatus militaris* (Cic. *Off.* I, 18, 61) и *vestitus militaris* (Nep. *Dat.* 9, 3), которыя, обозначая все надѣтое на солдатѣ — и оружіе, и одежду, а главнымъ образомъ одежду, наиболѣе соответствуютъ понятію „амуніція“. Кстати замѣчу, что смыслъ этого слова поняли и вѣрно передали гг. Ходобай и Виноградовъ, переведя фразу „не имѣю ам. для войска“ *non est* или *non habeo unde vestiam milites*.

Глаголъ *выцвѣтатъ* г. М. передаетъ посредствомъ *deflorescere, florere desinere*, понимая это слово въ очень рѣдкомъ значеніи, какъ синонимъ глагола „отцвѣтатъ“; въ томъ же смыслѣ впрочемъ понимаютъ его и другіе наши лексикографы — Ивашковскій, Бѣликовъ, Ходобай — Виноградовъ; но оно имѣетъ еще два значенія: 1) „вступатъ въ пору полного цвѣта“ (или „усовершиться цвѣтомъ“, какъ сказано въ Академическомъ словарѣ) — о растеніи, и 2) „линять, блѣднѣть“ — о матеріи, въ какомъ значеніи этотъ глаголъ почти исключительно и употребляется въ языкѣ нашего общества; по-латыни это *colorem amittere* или *remittere, pallidiorem fieri*.

Подѣ словомъ *пахучій* мы читаемъ: „*bene olens, odoratus* (благовонный)“. Повидимому, и здѣсь нашего автора ввелъ въ заблужденіе Академическій словарь, гдѣ для этого прилагательнаго дано только одно объясненіе: „издающій сильный пріятный запахъ“; вѣрнѣе толкованіе Даля: „съ запахомъ, болѣе съ пріятнымъ;... съ сильнымъ запахомъ вообще“; слѣдовательно, значенія *bene olens* и *odoratus* не всегда годятся для

нашего „пахучій“; всего болѣе ему соотвѣтствуетъ поэтическое *odorus*; въ прозѣ придется поставить какое-нибудь описаніе въ родѣ *odorem vehementem* или *gravem reddere*.

Далѣе, при переводѣ словъ *вьюга* и *мятежъ* *vis creberrimae nivis* (какъ и у Ходобая-Виноградова) не выражается главный отличительный признакъ вьюги — вѣтеръ. Кромѣ того, выраженіе это, хотя и не отмѣченное въ нашемъ словарѣ никакимъ знакомъ, повидимому, есть дѣланное, а не заимствованное изъ древнихъ авторовъ, судя по тому, что у Георгеса при немъ (подъ словомъ *Schneegestöber*) поставлена звѣздочка (можетъ быть, оно составлено по образцу *creberrimae grandinis* у Liv. XXVIII, 39). Въ такомъ случаѣ, лучше было бы воспользоваться описаніемъ *nives vento mixtae*, которое предлагаетъ Р. Фохтъ¹⁾ (стр. 87) на основаніи Liv. XXI, 58, *vento mixtus imber*, или, наконецъ, если уже не передавать понятія вѣтра, то перевести эти слова просто черезъ *nives*, по Негельсбаху (стр. 139).

Не посчастливилось нашему автору во многихъ случаяхъ также при переводѣ названій предметовъ, неизвѣстныхъ древнему міру, которые онъ, вопреки своему принципу, иногда допускаетъ въ свой лексиконъ, передавая одни изъ нихъ словами, обозначающими похожіе предметы, извѣстные древнимъ, а для другихъ придумывая описанія.

Батистъ, изобрѣтенный только въ XIII столѣтіи, не можетъ быть тождественъ съ *carbasus* уже потому, что батистъ выдѣлывается изъ льна или хлопчатой бумаги, а *carbasus* готовится изъ особаго рода древесной шерсти — *gossypium* (Mar-

¹⁾ Матеріалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій съ объясненіями Рихарда Фохта. — Латинская стилистика Негельсбаха, приспособленная для русскіхъ школъ Александромъ Страховымъ. — Нашего автора можно вообще упрекнуть за полное пренебреженіе къ этимъ двумъ (почти единственнымъ) пособіямъ по латинской стилистикѣ на русскомъ языкѣ, которыя во многихъ случаяхъ были бы ему очень полезны. Изъ первой книги онъ могъ бы напр., позаимствовать еще переводъ словъ: *гарнизонный* (стр. 39), *добросовѣстный* (5), *кибитка* (89), *отрывокъ* (2), *подвалъ* (5), *правительство* (3), *явленіе* (154) и т. д. Изъ второй: *календарь* (стр. 111) *compositio anni*; г. М. даетъ для этого слова только *fasti*, что обозначаетъ книгу — мѣсяцесловъ и не годится, напр., въ выраженіи: „Юліанскій календарь“; *поведеніе* (124) *facta* — гораздо ближе, чѣмъ *mores* въ нашемъ словарѣ, что значить „характеръ“; *распустить паруса по вѣтру* (409), съ *покорностью* (128), *публично* (68), *сладость минуты* (61) и т. д.

quardt, v. VII, p. 471); такимъ образомъ, *carbassus* вмѣсто „ба-
тиста“ можно подставить только тамъ, гдѣ нѣтъ нужды въ
точности перевода. Съ такимъ же правомъ можно подставить
напр. еще *byssus*. Надо замѣтить, что Кишера, болѣе послѣдо-
вательно держащійся правила не включать въ лексиконъ словъ,
означающихъ новыя понятія, пропустилъ и это слово.

Подобнымъ образомъ, мы встрѣчаемъ въ нашемъ словарѣ
жестъ, которая также была неизвѣстна античному міру и изобрѣ-
тенъ, какъ говорятъ, въ новыя времена въ Богеміи. Слово
это г. М., вмѣстѣ съ *Ходобаемъ* – *Виноградовымъ*, переводитъ
черезъ *lamina*. Но *lamina*, по опредѣленію Форчеллини *proprie
dicitur metalli, aut ligni, aut marmoris frustum in latitudinem
ductum, crassius tamen quam bractea*; слѣд., *lamina* указываетъ
на внѣшній видъ предмета, а не на матеріалъ его. Это
вообще пластинка изъ какого бы то ни было вещества (у пи-
сателей упоминаются *laminae* золотыя, серебряныя, мѣдныя,
железныя, свинцовыя, костяныя, деревянные), между тѣмъ какъ
жестъ готовится изъ листового желѣза, покрытаго слоємъ
олова. Такимъ образомъ, вѣрно передается смыслъ этого слова
описаніемъ *ferrea lamina stanno illita*, которое даетъ Бѣликовъ
въ своемъ русско-латинскомъ лексиконѣ.

Подъ словомъ *кирка* сказано: „кирка *ligo* (земледѣльческое
орудіе для разрыхленія земли, устраненія корней); *dolabra*
(сѣчка, ломъ)“. Что это значитъ? Авторъ, повидимому, хочетъ
сказать, что *dolabra* была похожа на нашу сѣчку или ломъ;
но, во-первыхъ, сѣчка и ломъ значительно разнятся другъ
отъ друга, такъ что изъ этого сравненія нельзя понять, ка-
кого вида была *dolabra*; во-вторыхъ, если она имѣла сходство
съ сѣчкой или ломомъ, то она не имѣла ничего общаго съ
киркой, и, въ-третьихъ, *dolabra* (см. рисунокъ у Рича), на са-
момъ дѣлѣ, нисколько не похожа ни на сѣчку, ни на ломъ, а
гораздо болѣе именно на кирку.

Такое же невѣрное примѣчаніе сдѣлано при словѣ *пуля*:
„пуля *glans* (глиняная или свинцовая пуля, которую, раска-
ливъ, метали на враговъ)“. На чемъ основано такое объясне-
ніе, мы читаемъ у Георгеса (подъ словомъ *Kugel*): онъ ссы-
лается на *Caes. B. G. V, 43, 1: septimo oppugnationis die ma-
ximo coorto vento ferventes fusili ex argilla glandes fundis et
fervefacta iacula in casas, quae more Gallico stramentis erant
tectae, iacere coeperunt*. Изъ этого мѣста однако вовсе не слѣ-

дуетъ, что *glandes* всегда бросали раскаленными; въ данномъ случаѣ была въ этомъ надобность, такъ какъ нужно было зажечь непріятельскіе шалаши; для той же цѣли и метательныя конья (т. е. ихъ наконечники) были раскалены (*fervefacta*); обыкновенно же, разумѣется, этого не за чѣмъ было дѣлать, и самая обстоятельность описанія Цезаря до нѣкоторой степени указываетъ на необычность факта.

Очень любопытно взглянуть еще на переводъ слова *сѣни* — *primus locus aedium; atrium*. Всякаго, кто сколько-нибудь знакомъ съ устройствомъ римскаго дома, удивитъ, какое сходство нашелъ г. М. между параднымъ, нерѣдко роскошнымъ атриумомъ, представлявшимъ главную комнату римскаго дома, и нашими сѣнями, которыя никто и не назоветъ даже комнатой. Что всего страннѣе, г. М. этимъ же словомъ переводитъ слово „зала“, какъ будто сѣни и зала одно и то же. Также мало годится и выраженіе *primus locus aedium*. Выраженіе это заимствовано; по всей вѣроятности, изъ *Praefatio* Корнелія Непота § 6: *cuius materfamilias non primum locum tenet aedium atque in celebritate versatur?* Неужели кто-нибудь подумаетъ, что у римлянъ хозяйка дома сидѣла въ сѣняхъ? Какъ всѣмъ извѣстно, здѣсь разумѣется тотъ же атриумъ (почему онъ такъ названъ; объ этомъ сказано у Марквардта, т. VII, стр. 222). Въ такомъ случаѣ, что же въ римскомъ домѣ соотвѣтствовало нашимъ сѣнямъ? Обыкновенный переводъ этого слова чрезъ *vestibulum* (у Ивашковского, Бѣликова) также невѣренъ, потому что такъ назывался у римлянъ открытый на улицу дворикъ передъ домомъ, а не часть самаго зданія. Одно время я думалъ о возможности переводить „сѣни“ посредствомъ *prothyron* по Витрувію, которое нѣкоторые ученые (напр. Ричъ, Мазуа) считаютъ за небольшой корридоръ, находившійся между выходной дверью и атриумомъ. Но если даже подъ *prothyron* дѣйствительно разумѣется именно эта часть дома (см. Marquardt, VII, 231), то она скорѣе соотвѣтствуетъ нашей передней, чѣмъ сѣнямъ. Оказывается, что въ римскомъ домѣ совсѣмъ не было сѣней, а слѣд. нѣтъ для нихъ и техническаго названія. Я предложилъ бы поэтому воспользоваться для перевода слова „сѣни“ словомъ, выражающимъ общее понятіе входа, — *aditus (domus)*.

Названіе другой части нашего дома — *крыльцо* г. М. вмѣстѣ съ Ивашковскимъ выражаетъ описаніемъ *scalae in publicum ferentes*. Въ этомъ переводѣ, мнѣ кажется, есть двѣ неточности: во-первыхъ, лѣстница не составляетъ неотъемлемой принад-

лежности крыльца: стоитъ пройти только по улицѣ, чтобъ убѣдиться въ этомъ; во-вторыхъ, крыльцо не всегда ведетъ in publicum: въ каждомъ домѣ есть и заднее крыльцо, ведущее во дворъ. Понятіе о крыльцѣ у насъ не совсѣмъ опредѣленно; въ старину этимъ именемъ обозначалась, кажется, особая пристройка къ дому, чрезъ которую входили въ сѣни; въ настоящее время крыльцомъ мы называемъ отчасти пространство передъ наружной дверью (включая сюда и самую дверь) съ одной или нѣсколькими ступенями, или безъ ступеней, но съ навѣсомъ, или съ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ; отчасти же мы называемъ крыльцомъ и самыя сѣни. У римлянъ, повидимому, было нѣчто очень похожее на наше крыльцо, т. е. по крайней мѣрѣ дверь со ступенями (см. Marquardt, VII, 219), но особаго слова для обозначенія его не было; поэтому „крыльцо“ въ первомъ смыслѣ мы должны переводить посредствомъ ianua, fores, ostium, напр. „онъ постучался у крыльца“ ianuam, ostium, fores pulsavit (pultavit). При такомъ переводѣ мы будемъ имѣть и слово для выраженія понятія о заднемъ крыльцѣ — posticum или postica.

Я укажу еще на передачу одного слова — *горностай*. Въ нашемъ лексиконѣ, какъ и у Ходобая-Виноградова, этотъ звѣрокъ названъ *mustela*. Но этимъ именемъ римляне называли вовсе не горностая, а ластку (см. Генъ, Культурныя растенія и животныя, стр. 275), которая для нихъ замѣняла нашу кошку: горностай, правда, одной породы съ ласткой, но называть его именемъ этой послѣдней такъ же ошибочно, какъ называть волка *canis*; если можно горностая обозначать словомъ *mustela*, то это же имя можно дать и хорьку, и кунитѣ, и соболю, — животнымъ, принадлежащимъ къ тому же классу. Между тѣмъ горностай, кажется, былъ извѣстенъ римлянамъ, по крайней мѣрѣ императорскаго періода: Плиній въ двухъ мѣстахъ упоминаетъ о *Pontici muges*, подъ чѣмъ, какъ всѣ согласны, онъ разумѣетъ именно горностая. Кишера (подъ словомъ *hermine*) приводитъ также его среднезвѣковое названіе *herminia*; этимъ же именемъ обозначается онъ и въ настоящее время въ зоологii — *mustela erminia*.

Миѣ остается сказать еще о двухъ оборотахъ, которые для такого пуриста, какъ нашъ лексикографъ, непростительны. Это, во-первыхъ, *dies novissima* или *summa* — свѣтопреставленіе; хотя обычное правило о родѣ слова *dies* и допускаетъ исклю-

ченія, однако въ такомъ соединеніи мужескій родъ встрѣчается гораздо чаще, какъ напр. *die primo, altero, tertio* и т. д.; *summo ludorum die* читаемъ въ письмѣ Азинія Полліона (*Cic. Fam. X, 32, 2*). Другой оборотъ, еще болѣе неклассическій, находимъ въ переводѣ выраженія *по свидѣтельству Ливія auctore Livio*, — оборотъ, встрѣчающійся въ этомъ значеніи только въ позднѣйшей латыни (см. Krebs-Allgayer, *Antibarbarus*).

Этимъ мы заканчиваемъ свои замѣчанія о словарѣ г. Мусселиуса. Всѣ указанные недостатки, если даже ихъ считать важными, всетаки по малочисленности своей ступшеваются предъ хорошими качествами этой книги: *ubi plura nitent, non ego paucis offendar maculis*. Въ заключеніе прибавимъ, что внѣшній видъ книги прекрасный и матеріалъ размѣщенъ очень удобно (что имѣетъ немалое значеніе въ лексиконѣ): каждая русская вокабула, начинающая новую статью, напечатана особымъ жирнымъ шрифтомъ, рѣзко выдѣляющимъ ее отъ дальнѣйшаго текста, гдѣ приводится фразеологія, относящаяся къ этому слову.

Рецензии публикуются по первому изданію:

1) С. Соболевскій. *О. Петрученко. Латинско-русскій словарь*. Москва 1892. (IV+990 стр. 80) // *Филологическое обозрѣніе*. III. 1892. 1. С. 25 — 29;

2) С. Соболевскій. *В. Мусселиусъ. Русско-латинскій словарь*. С.-Петербургъ 1891. (VI+424) // *Филологическое обозрѣніе*. II. 1892. 2. С. 73 — 82.